

Старый служитель узнал его сразу. За год до войны портрет командира бригады подводных лодок А.В. Трипольского выставлялся в эрмитажной галерее Героев Советского Союза.

– Вы к Иосифу Абгаровичу? Пойдёмте, провожу. Он недавно ушёл к себе в подвал.

Служитель открыл какую-то дверь, предупредив, что пользоваться фонариком нельзя: окна без светомаскировки. В полутьме они сделали несколько шагов и сразу же очутились в фантастическом лесу. Как на заколдованной просеке стояли, вытянувшись до небес, чёрные деревья без единой ветви или листа. Белая точка-огонёк беспомощно металась где-то у корневищ. «Двадцатико-

лонный зал», — сообразил Трипольский, скользя ладонью по ледяному мрамору. В соседнем помещении пламя спасительной свечи, стоявшей, как оказалось, у подножия одной из двадцати колонн, отражалось в огромной Кольванской вазе. Этот таинственный свет направлял путников к выходу во двор. А там уже хорошо различимая тропинка вела под арку, в подвал.

Постучали. Орбели отозвался. Трипольского узнал. Но из-за стола выходить не спешил: долго освобождал ноги, завёрнутые в обрезок старого ковра. Протянул руку, ревматические пальцы почти не гнулись. Кивнул на горящую свечу: «Коптилок не заводим. На складе неожиданно обнаружили большой запас церковных свечей. Но, знаете, как они быстро тают, все хотят работать... Я тоже решил этой зимой закончить свой труд...».

На рассвете следующего дня Трипольский был уже на «Полярной звезде», вспомогательном судне бригады подводных лодок. Когда-то прогулочная яхта царской семьи, потом штаб большевистского «Центробалта», «Полярная звезда», вмёрзшая в невский лед, стояла теперь как раз напротив служебного входа в Эрмитаж. Она была одним из немногих уголков огромного города, где веяло теплом, светило электричество и даже работала баня. Фантастический реализм моряков.

«Директор Эрмитажа академик Орбели заканчивает научный труд. В кабинете холод, нет электричества. Сегодня же перекинуть провод с корабля прямо к его настольной лампе, заодно починить электропечку, а если будет возможность, дать свет и в некоторые другие помещения музея».

В тот же день академик архитектуры Александр Сергеевич Никольский отметил в дневнике: «...Корабль дал свой ток... Стало светло, как в мирное время, и это большое благо».

Мирное время... Распахнув тысячи окон в белую ночь, город спал. Ветер с залива хозяйничал в комнатах: надувал паруса занавесок, переворачивал страницы раскрытых книг. Никольский стоял посреди своего кабинета, подставив ветру седеющую бороду.

В эти минуты он походил на Микулу Селяниновича, вспахавшего богатырское поле. Высоченный, плечистый, рукастый. Правда, его крепкая ладонь сжимала не рукоять плуга, а остро отточенный карандаш. Александр Сергеевич посмотрел на часы: без десяти четыре. Привычка работать по ночам осталась с молодости. Но сегодня можно и передохнуть — проект закончен, нужно только дописать последние строки авторского пояснения к парковому комплексу на Крестовском острове. Эти унылые места он

помнил ещё со студенческих лет. Небольшие деревянные домики. Огороды, пустыри. Лужайки и рощицы, обципаные коровами да козами. Летом на дорогах пылица, весной и осенью – непролазная грязь. И тут же через водную гладь, как дорогая оправка, широкая панорама города: с одной стороны – острова, туманные контуры Кронштадта и Петергофа – с другой. Идея вставить драгоценный камень в эту оправку – благоустроить Крестовский – захватила Александра Сергеевича.

Среди ленинградских архитекторов был проведён конкурс на составление проекта. Замыслы мастерской, которой руководил Никольский, получили одобрение. Десять лет ушло на их детальную разработку.

Без десяти минут четыре Александр Сергеевич поставил на проекте последнюю точку, а ровно в четыре началась война.

Академик архитектуры стал бойцом команды МПВО. Его жизнь теперь заполнялась в основном, звуками: сначала резкий сигнал воздушной тревоги, потом тянущее за душу пение немецких моторов, а после томительного ожидания – свист падающих бомб. И, наконец, взрыв где-то совсем рядом, от чего дом, а с ним и чердак долго раскачиваются.

«...Боевые тревоги начинаются регулярно, часов с шести – семи вечера и с небольшими перерывами длятся всю ночь до утра, то есть до шести часов. И так каждую ночь. Спать в промежутке между ними не имеет смысла. Я пробовал. Только заведёшь глаза, как опять завоет сирена, и опять надо лезть на чердак. Поэтому я не ложусь всю ночь и использую промежутки между тревогами для работы – продолжаю делать рисунки к своему стадиону».

«Как ни велик страх и боязнь погибнуть от взрыва, мы сидели бы на чердаке и слушали бы очередные завывания и грохот, но месяц без сна наши нервы не выдерживают, бессонница нас доконала». Эти строки взяты из дневника Никольского, который он начал вести с первых дней войны, находясь сначала в своей квартире по Клинскому проспекту 9, а потом – в подвалах Эрмитажа.

«...После недели совершенно бессонных ночей мы с Верой переехали в 3-е бомбоубежище Эрмитажа и, как камни, уснули под его несокрушимыми сводами». «Вдали, налево в углу стоят наши постели. В левом нижнем углу живут Вережские. Наш угол со столом для работы и еды мы делим с семейством Буцев¹». «...Появилась более новая, современная тематика и новые рисунки».

---

¹ Буц Роберт Яковлевич (1886–1942), главный бухгалтер Эрмитажа с 1940 г.

Среди этих рисунков знаменитый «Школьный кабинет». Впрочем, знаменитым он стал именно в дни блокады. До войны здесь собирались на занятия юные кружковцы, поэтому за кабинетом и закрепилось название «Школьный». Сейчас же в этой просторной комнате с большими полуциркульными окнами заседали учёные, поэты, переводчики.

«Дух торжествующего творчества», по словам Николая Тихонова, царил на научном заседании в Эрмитаже, посвящённом 800-летию Низами. Председательствовал неутомимый Орбели. Рядом с ним – Всеволод Рождественский и сам Тихонов. В военной форме – М.М. Дьяков. Он вызван прочесть свой доклад «Низами в живописи Востока» прямо с передовой. Учёные-востоковеды, приглашённые выступить на этом торжестве, А.Н. Болдырев и Г.В. Птицын, шли через весь город пешком – трамвайное движение отменено.

Прошло всего три недели с того памятного дня, и снова «Школьный кабинет» заполняют гости. На своём председательском посту Орбели, готовы и докладчики: А.Н. Болдырев и Б.Б.Пиотровский. Учёному и поэту Н.Ф. Лебедеву разрешено читать свои переводы, сидя: он очень слаб.

«Праздник науки», – так сказал об этом заседании в память 500-летия Алишера Навои академик С.А. Жебелев.

Через несколько дней Никольский кратко запишет в своём дневнике: «Жебелев умер». И добавит с горечью: «Это непростительно». Может быть, о Жебелеве вспоминал архитектор, когда работал над рисунком. А может быть, его «Школьный кабинет», нарисованный стеклографом на мелованной бумаге, посвящается памяти Н.Ф. Лебедева: тот умер, прижимая к груди листы своих переводов из «Семи планет» Навои. Этого мы не знаем.

Но вот то, что «Полярная звезда» запечатлена Никольским уже тогда, когда в Эрмитаж был дан свет, сомневаться не приходится. На рисунке сквозь сетку пушистого снега ясно виден проход, который тянется к служебному подъезду музея.

В декабре Никольский устроил просмотр своих работ, их скопилось уже около сорока. Он пригласил на этот блокадный вернисаж художников, скульпторов, архитекторов, нашедших, как и он, приют в подвалах Эрмитажа. Волновался, словно предстояла серьёзная выставка. Прежде, чем начать показ, разложил рисунки по темам: залы, комнаты, переходы Эрмитажа, в том числе и «Школьный кабинет». Следующая тема: Нева с кораблями, среди них и «Полярная звезда» – это он рисовал по памяти. И, наконец, бомбоубежища: 3-е, 5-е, 7-е – всего их было двенад-

цать. Около двух тысяч человек надёжно укрылись в старинных подвалах.

Сколько судеб сплелось здесь, сколько трагического, а иногда и комического проходило перед глазами! «Старик, отец одного сотрудника Эрмитажа, спал в шкафу, в кухне, он всегда зяб, и ему было там тепло. И ещё он шутил: сижу, как воробышек в клетке», – записал Никольский на одной из страниц дневника.

Скупыми графическими средствами создавал художник картины блокадного быта: топчаны, столы, стулья.. Люди закутаны в платки, одеяла, шарфы. Отличительная черта – все заняты делом: читают, рисуют, штопают, готовят еду.

Много приятных слов услышал художник в тот вечер от своих друзей. И он вдруг с удовольствием отметил, как переменялись многие. Необычные условия, в которые были поставлены творческие люди осаждённого города, закаляли их волю, будили мысль, делали острее зрение, щедрее чувства. Он испытал это на себе.

«Тысячу раз виденные куски города представляются в совершенно новом, особом виде. Это относится не только к ночам, но и к дням», – так выразил он в дневниковой записи состояние души и сердца. Его очень обрадовало сообщение из Комитета по делам искусств: ему разрешено рисовать на городских улицах. «Вот чем можно сейчас заниматься – и интересно, и нужно», – отмечает Никольский в дневнике.

В холодном сыром подвале при свете лампочки в полнакала он составил список тех мест, где непременно будет рисовать: улица Росси, Театральная площадь, Фонтанка у Чернышёва моста, Тракторная улица, проспект Стачек, стадион на Выборгской стороне.

На Тракторной, в районе бывшей Нарвской заставы – дома для рабочих, построенные по его проекту ещё в двадцатых годах; на проспекте Стачек – знаменитая школа имени 10-летия Октября, которую в народе до сих пор называют «школа-дворец». Это тоже его проект. А ещё «круглая баня», школа в Лесном, стадион на Выборгской стороне, где впервые он применил секционный принцип. Как они? Живы ли его архитектурные дети? Не лежат ли в развалинах, развороченные фашистскими бомбами и снарядами?

«4 папки со 120 таблицами и рисунками и 60 листами фронтисписов, автопортретов, заглавий, объяснений, текста общего и частного к каждой теме-тетради сдал в библиотеку Института гражданских инженеров». И ещё одна запись в дневнике: «30 рисунков стадиона – следующая большая работа». Никольский добавляет: «Как хочется продолжить начатое и исполнить задуманное».

манное». И это не пустые слова, он не ведал другого состояния, кроме рабочего.

В Равенне его недаром называли «безумный русский». Он вставал – ещё не было пяти, торопливо проглатывал завтрак, собирал свои художнические принадлежности и спускался старинными улочками то к храму Аполлинария Нового, то к Баптистерию ортодоксов или к гробнице Галлы Плацидии. Красота византийских мозаик поражала его. Горели и переливались цветные зёрна, давая ощущение характера, личности. И тогда он принял смелое решение скопировать лучшие мозаики. Перепробовал много способов, пока не нашёл самый верный: документальное воспроизведение в натуральную величину. Помогла калька, на которую он наносил изображение зерно за зерном, стараясь точнее воспроизвести цвет оригинала.

В Петербурге удивлялись, как много успел молодой архитектор за два года командировки в Италию – Венеция, Милан, Равенна. Он изучает архитектурные памятники этих городов, снимает планы, делает обмеры. И сверх программы привозит на родину копии равеннских мозаик. Ему было непонятно это удивление: он просто работал, и ничего больше.

Сейчас в блокадном городе он, как никогда, оценил годами выработанную способность творить в любых условиях. Секрет своего относительно хорошего самочувствия он видел только в работе.

Вот, наконец, готов и его красноармеец со знаменем и винтовкой. Много дней он мял застывший в холодном помещении пластилин, теплом своих пальцев заставляя его стать послушным. Потом соорудил каркас и принялся за дело. Но как тесен угол в подвале: жильё и мастерская одновременно. И всё-таки в одну двадцатую величины он вылепил задуманную фигуру.

Теперь задача переправить её на Васильевский остров своему давнишнему помощнику Степанову, который увеличит макет до одной десятой заданного размера. Налажены санки, фигура завёрнута в тряпки, крепко привязана к перекладинам. Но прежде чем впрячься в санки, Никольский берёт дневник и пишет: «Наклонись – кружится голова и темнеет в глазах, ходишь – усташь. Говорят, что умирает по шесть тысяч человек в день».

Сегодня трудно себе представить, каким рискованным был этот путь. Кажется, чего проще? От Эрмитажа рукой подать до Васильевского – перешёл мост, и ты уже у цели. Но дальше надо было продолжать идти по Университетской набережной, а там всё пусто, голо – спрятаться совершенно негде. Немцы же всю па-

лдят из дальнoбойных прямо от Стрельны. Можно, конечно, двигаться по левому берегу Невы, минуя Адмиралтейство, через мост лейтенанта Шмидта. Здесь тише. Но только до моста. Площадь и мост обстреливались беспрерывно.

Кружка кипятка и половинка мороженой картофелины – вот и вся награда Никольскому от своего помощника за столь рискованное путешествие.

Перед самой войной проект оформления Нарвской площади, вышедший из мастерской Никольского, получил первую премию и право на осуществление. Именно поэтому красноармеец из пластилина оказался у Степанова. «Специалист должен быть всегда готов, не ожидая понукания... К сожалению, наша братия не разделяет со мной этого убеждения... Измельчали и сильно американизировались, – отмечает он в своём дневнике. – Специалист должен быть всегда готов».

Защиту кандидатской диссертации К.И. Кашиным в январские дни 1942 года он называет событием исключительным.

«Работа К.И. очень интересна и методически правильно построена. Произвела на меня и производит на других, безусловно, хорошее впечатление. Все чертежи и рисунки сделаны на стандартных листах с надписями, текст напечатан на машинке, тоже стандартно, фотографии вклеены умно и удачно. Молодец. Я его похвалил. А хвалю я редко. Тема его работы: “Открытые плавательные бассейны”. Референтами были: академик О.Д. Гримм и профессор Л.А. Ильин».

«А кругом люди мрут и мрут. Мрут знакомые... Узнаёшь об этом в Союзе, в Академии, от случайных знакомых на улице. Удивляешься: как сам-то ходишь?» Тогда в январе Александра Сергеевича видят на выставке архитектурного факультета. В заиндевелом зале стояли стенды с подрамниками, дипломники проектировали в ватниках, валенках, многие в шинелях – по увольнительным с фронта. И только профессор Мунц в чёрном отутюженном костюме и белом крахмальном воротничке. «В знак уважения к авторам», – объясняет он любопытствующим.

Через неделю после этого события Никольский запишет в своём дневнике: «Мунц умер». Рядом с этими словами нарисована раскрытая ладонь и на ней катышки хлеба – «дневной паёк».

Точно такой паёк получал и он. Свой обед, который ему полагался в столовой Дома учёных, делили на двоих: суп съедал сам, а горсточку каши приносил жене в бомбоубежище. По недоразумению он не попал столоваться в зал академиков, где этой са-

мой каши давали чуть больше. Но полуголодный человек всё-таки заносит в дневник полные человеческого достоинства слова: «Я считаю для себя недостойным защищать... свои права».

Самые трагические страницы дневника – внезапная болезнь жены Веры Николаевны. Как и у многих ленинградцев в те дни, она была вызвана голодом. «Чем кормить Веру? Кроме полугорсти крошек белых сухарей и чёрных, ничего нет».

Героические усилия предпринимает Никольский, чтобы спасти жену. В лютые морозы, под непрерывным вражеским обстрелом трижды проделывает он путь от Эрмитажа до Академии художеств, надеясь достать плитку шоколада и спасти ослабевшую жену. «Каждая минута, каждое движение направлены на поддержание существования. 2–3 ошибки в мелочах приводят к серьёзным неприятностям, вплоть до смерти», – отмечает он в дневнике.

Зато как радуется, когда ему удастся вырвать Веру из лап смерти. Магические дольки шоколада рассыпаны по дневниковой странице.

Здесь же, почти рядом, чертёж новогодней ёлки. «Конструкция крепкая, очень пространственная», – заверяет он. Ёлку он склеил из полуватмана, сделав украшения из золотой бумаги. Она не только прочно стояла на столе, но её можно было повесить и к потолку. Рядом с чертежом ёлки такая запись: «31 декабря 1941 года. В бомбоубежище нет света уже около полутора недель. Сидим в темноте, при коптилке. Нет отопления. Но чувствую себя неплохо и предполагаю встретить новый, 1942 год».

И действительно, первого января 1942 года он является к директору Эрмитажа с красивой папкой, которую смастерил сам, а в ней стихи тоже собственного сочинения:

Под звуки лиры и свирели
Хочу я петь И.А. Орбели.
Но мысли – робкие газели,
Как лань пред тигром оробели.
Петь непосильно в самом деле,
Того, кто равен Руставелли.
Великий сердцем и умом,
Подвалы бьют тебе челом.

Но всё-таки нет на всех 127 страницах дневника Никольского слов, сильнее этих: «Сдавать город нельзя. Лучше умереть, чем сдать. Я твёрдо верю в скорое снятие осады и начал думать о про-

екте арок для встречи героев – войск, освободивших Ленинград». Эта запись сделана в январе 1942 года, когда до прорыва блокады оставалось ещё больше года, а до полного её снятия – ровно два. Через несколько дней Никольский продолжает свою мысль: «...я придумал временные триумфальные арки из комбинации 20-метровых знамён, декорированных под арку. Кроме того, есть мысль сделать арку из фанеры с фанерной фигурой красноармейца в шлеме и арку-баррикаду».

Последние страницы дневника заполнены рисунками триумфальных арок. А за ними такая запись: «Вечером, т.е. 29, я от директора А.И. Сегала получил предложение командировочно эвакуироваться в качестве члена делегации Академии (с женой). Решил совсем неожиданно для себя принять предложение, а ведь пять раз отказывался». «7 февраля 1942 года мы уехали», – последние строчки дневника, который хранится сейчас в фондах Музея истории Ленинграда. Рукопись, форматом чуть больше тетради, аккуратно переплетена в клетчатую хлопчатобумажную ткань. Внизу на обороте обложки выведено: «Печатано в типографии им. Александра Никольского. Тираж – один-единственный экземпляр. Первое и последнее издание».

На первой странице рукописи мастерски нарисован знакомый купол Адмиралтейства со шпилем и корабликом на самом острие, а ниже – загадочное слово «Памжа». Ещё ниже – «Ленинград в дни осады». И совсем мелко: «...и такая памжа приключилась с Ленинградом, что не приведи бог» (из рассуждений нашей домработницы Наташи).

Перед следующей страницей дневника – листок кальки, а за ним на плотной бумаге по всем правилам чертёжного искусства – «Дневник академика архитектуры Александра Сергеевича Никольского, с женой Верой Николаевной, живущих в Ленинграде, в квартире 2, дома 9 по Клинскому проспекту, во время осады Ленинграда в 1941–1942 годах».

В 1985 году, к 40-летию Победы, издательство «Искусство» выпустило книгу «Ленинградский альбом», составленную из дневниковых записей и графических работ академика Никольского.